

ВЕСЕЛАЯ НАУКА

(«LA GAYA SCIENZA»)

ИЗ КНИГИ «ЕССЕ НОМО»

«Утренняя заря» — книга утверждающая, в ней есть глубина, но вместе с тем — свет и добро. То же самое, но с еще большим основанием можно сказать и о «Gaya scienza»: почти в каждой ее фразе глубина мысли сочетается с шаловливой легкостью — мудрость и резвость идут рука об руку как нежные друзья. Стихи, исполненные чувства благодарности к самому прекрасному месяцу — январю (вся книга его подарок), открывают те самые глубины, в которых рождается та искрящаяся радость, что делает «науку» веселой:

Пламенным копьём разбивший
Горный лед души моей,
В бурный путь ее пустивший
К чаяньям среди скорбей,
Пленный дух, в былом кошмаре
Претерпевший долгий гнет,
Величает Януарий
Твой торжественный приход!¹

Сбудутся ли те чаяния, о которых говорится здесь, — в этом может сомневаться лишь тот, кто не заметил, как засверкала в конце четвертой книги алмазная красота слов, сказанных Заратустрой в самом ее начале! Кто пропустил гранитные строки в конце третьей книги, из которых впервые сложились формулы, способные вместить в себя судьбу всех времен? Песни принца Фогельфрая, большая часть которых была написана на Сицилии, призваны напомнить о понятии, родившемся в Провансе, — о «gaya scienza», о том единстве певца, рыцаря и вольнодумца, которое отличало чудесную раннюю культуру провансальцев от всех прочих двусмысленных культур; взять хотя бы стихотворение «К Мистралю», представляющее собой настоящую плясовую, необузданная стихия

¹ Перевод В. Топорова.

которой увлекает прочь от морали, заставляя — уж извините — просто забыть о ней, — вот совершенный образец провансальского духа.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

1

Эта книга требует, вероятно, нескольких предисловий, но и тогда нельзя быть уверенным в том, что все эти предисловия могут хоть как-то облегчить понимание тех мыслей, чувств, которые вложены в нее, если человек сам не пережил нечто похожее. Она словно написана языком весеннего ветра: в ней есть высокомерие, беспокойство, противоречия, апрельская тревожность, когда все еще напоминает о близости зимы, но в то же время уже чудятся предвестники *победы* над зимой, победы, которая уже не за горами, она придет, непременно придет, а может быть, уже пришла... Нескончаемы благодарственные излияния, как будто только что произошло нечто совершенно неожиданное, благодарность выздоравливающего — ибо именно *выздоровление* и было той ошеломляющей неожиданностью. «Веселая наука»: это сатурналии духа, который терпеливо переносил невыносимо долгий гнет, — терпеливо, строго, хладнокровно, не сдаваясь, но и не лелея больших надежд, — и вот теперь в мгновение ока преобразился, почувствовав прилив надежды, надежды на окончательное выздоровление, почувствовав *тынящий вкус* выздоровления. И нет ничего удивительного в том, что тут встречаются какие-нибудь сумасбродные проделки и милые дурачества, ибо много здесь и шаловливой нежности, которая достается даже тем проблемам, которые не любят близко подпускать к себе и ошестинившись встречают любую попытку приласкать и приручить их. Вся эта книга и есть не что иное, как веселое развлечение после долгого воздержания, бессилия, ликование возвращающейся силы, очнувшейся ото сна веры в завтра и послезавтра, острого чувства будущего, предчувствия его, предчувствия грядущих приключений, и распахивающихся морских просторов, и новых целей, которые теперь дозволены, в которые теперь снова можно верить. А сколько всего у меня позади — эта жизнь как в пустыне, изнеможение, неверие, оцепенение в расцвете юношеских сил, эта противоестественная преждевременная дряхлость,

эта тирания боли и еще более жестокая тирания гордости, которая восстала против *непрерывных спутников* боли — против утешений, — это радикальное одиночество как средство самозащиты от мизантропии, превратившейся в нечто болезненно-пророческое, эта исключительная сконцентрированность на всем том, что есть в познании горького, терпкого, причиняющего боль, как того требует настоящее отращивание, берущее свое начало в той неосмотрительной духовной диете и изнеженности, именуемой обыкновенно романтикой, — о, кто мог бы еще вынести такое! Но если бы нашелся такой человек, он сумел бы увидеть в этой книге не только озорные глупости, проказы шутника, «веселую науку», он оценил бы по достоинству, к примеру, ту горстку песен, что на сей раз предпосланы этой книге, — песен, в которых поэт безбожно потешается над поэтами. Ах, не только на поэтов и их прекрасные «лирические чувства» этот воскресший из праха вития должен излить свою злость: кто знает, какие жертвы ищет он себе, какая чудовищная пародия созреет в скором времени в его воображении? «*Incipit tragaedia*»¹, — говорится в конце этой озабоченно-беззаботной книги: но надо держать ухо востро! Намечается нечто из ряда вон скверное и злое: *incipit parodia*², в этом нет никакого сомнения...

2

Но оставим в покое господина Ницше, какое нам дело до того, что господин Ницше снова стал здоровым?.. Для психолога нет более интересного вопроса, чем вопрос о соотношении здоровья и философии, и если случается так, что он сам заболевает, то весь свой научный пыл он обращает на свою болезнь. Ведь всякая личность, при условии, конечно, что она действительно является таковой, нуждается в философии личности, — правда, при этом имеется одно весьма существенное различие. Один философствует от нищеты и немощи, другой — от богатства и переизбытка силы. Для первого такая философия — насущная *необходимость*, не важно, какую роль она играет — поддержки, успокоительного средства, лекарства, избавления, возвеличивания, самоотчуждения; для второго — это всего-навсего приятная роскошь, в лучшем случае на-

¹ Трагедия начинается (*лат.*).

² Пародия начинается (*лат.*).

слаждение торжествующей благодарности, которая в довершение ко всему непременно хочет увековечить себя космическими прописными буквами на небосклоне понятий. Обычно же, однако, движущей силой философии становится беда, несчастье, как это имеет место у всех больных философов — а в истории философии больные мыслители, наверное, составляют подавляющее большинство, — но во что превращается мысль, рожденная под *гнетом* болезни? Это вопрос, который касается психологов: и здесь возможен эксперимент. Подобно тому как человек, который утром собирается отправиться в путешествие, настраивает себя на определенный час, когда ему нужно встать, и после этого преспокойно отдается сну, мы, философы, должны на некоторое время — конечно, только если мы действительно больны — отдаться душой и телом болезни, — мы должны как бы закрывать глаза на самих себя. И точно так же, как тот путешественник знает, что есть в нем некая сила, которая не дремлет, которая отсчитывает часы, чтобы вовремя разбудить его, так и мы знаем, что в нужный момент мы очнемся — что неведомая сила сумеет вовремя *поймать с поличным духом*, я бы сказал точнее — уличить его в слабости, измене, или покорности, или закоснелости, или помрачении, — словом, как ни называй, но все это болезненные состояния духа, которым обыкновенно, когда речь не идет о болезни, противостоит *гордость* духа (как говорится в старинном стишке, «гордый дух, павлин и конь, три гордых зверя, их не тронь»). Такой пристрастный самоанализ, такое самоискушение воспитывают большую пронизательность, позволяющую смотреть на все то, что было нафилософствовано до сих пор, совсем другими глазами; уже без всякого труда ты можешь уловить тот момент, когда мысль стремится непроизвольно ускользнуть, пойти в обход, спокойно отдохнуть, понежиться на солнышке — только страждущих философов прельщает такой путь, о котором они с вожделением мечтают именно в силу своего бессилия; теперь понятно, куда больное тело и его немощь толкают, гонят и влекут дух — к солнцу, тишине, покою, терпению, лекарствам, бальзамам, не важно, в каком смысле. Любая философия, которая выше ставит мир, а не войну, любая этика, которая толкует понятие счастья как отрицательное явление, любая метафизика и физика, которые признают только один финал, только один вид конечного состояния, любое стремление, как правило эстетическое или религиозное в своих основах, к чему-то постороннему, потустороннему, запредельному, беспредельному — позволяют задать вопрос:

а не является ли именно болезнь тем началом, которое вдохновляло философов? Бессознательное желание скрыть свои психологические потребности под покровом объективного, идеального, чисто духовного пугает своими далеко идущими последствиями, — я сам уже не один раз задавал себе вопрос, а не была ли вся философия, по большому счету, простым лишь толкованием тела, причем *неверным толкованием тела*. За самыми высокими ценностями, которые до сих пор имели определяющее значение для всей истории человеческой мысли, скрывается некая физическая ущербность — не важно, идет ли речь об отдельном человеке, о целом сословии или расе. Вполне возможно, все те отчаянные глупости метафизики, в особенности вопрос о *ценности* бытия, следовало бы рассматривать прежде всего как симптомы определенного физического состояния; и даже если ни в одной из этих жизнеутверждающих или жизнеотрицающих концепций с научной точки зрения не будет и крупинцы здравого смысла, для историка и философа они будут представлять несомненную ценность прежде всего как симптомы определенного физического состояния тела, о которых уже говорилось выше, как показатели его совершенства и несовершенства, его полноценности, мощи, самообладания в исторической перспективе или же, наоборот, как признаки его скованности, усталости, бессилия, предчувствия близкой смерти, его воли к смерти. Я все еще не потерял надежды, что явится когда-нибудь *философ-врач*, в исключительном смысле этого слова, — тот, кто сможет заняться изучением проблемы общего здоровья народа, эпохи, расы, человечества, — и у него достанет мужества найти доказательства того, о чем я только смутно догадывался, и сформулировать это как окончательный вывод: не «истина» была до сих пор предметом философствования, а нечто совсем другое — скажем, здоровье, будущее, рост, власть, жизнь...

3

Можно догадаться, что я не без благодарности хочу распрощаться с тем временем, когда меня мучил тяжелый недуг, хотя и по сей день я еще не исчерпал все преимущества этого состояния: я твердо убежден, что мое шаткое здоровье дает мне несомненные преимущества перед всеми теми, кто так пышет здоровым духом. Философ, который проходит, не думая останавливаться, чрез

множество видов здоровья, проходит через такое же множество философий: ему не остается ничего другого, как всякий раз переводить свое состояние в самую одухотворенную форму, увлекая его в самые одухотворенные дали, — это искусство трансфигурации и есть философия. Мы, философы, не можем по своему усмотрению провести границу между душой и телом, как это делает простой народ, и еще труднее нам провести границу между душой и духом. Мы ведь не какие-нибудь думающие лягушки, не объективирующие-регистрирующие аппараты, у которых внутри холодная бездушная пустота, мы вынуждены постоянно рожать наши мысли из боли и вкладывать в них всю нашу кровь, душу, огонь, радость, страсть, муку, совесть, судьбу и рок, как делают все матери, — для нас это означает постоянно превращать все то, что составляет нашу сущность, в свет и пламя; а также все то, с чем мы соприкасаемся, — мы ведь не *можем* иначе. А что касается болезни, то мы едва ли сумели удержаться от того, чтобы не задать вопрос: можем ли мы вообще обойтись без нее? Только великое страдание является последним освободителем духа, учителем, который ловко сам умеет втирать очки, доказывая, будто то, что нам кажется белым, — на самом деле черное, а то, что кажется понятным, — на самом деле непонятно. Та самая долгая, медленная боль, которая никуда не спешит, которая сжигает нас, как будто на медленном огне, и заставляет нас, философов, погрузиться в наши глубочайшие глубины, отринув все то доверчивое, добродушное, неявное, кроткое, невыразительное, что было до сих пор, наверное, воплощением нашей человечности. Я сомневаюсь в том, что такая боль «улучшает», — но я твердо знаю, что она *углубляет*. И не важно, учимся ли мы противопоставлять ей нашу гордость, нашу язвительность, нашу силу воли и поступаем так же, как индеец, которому нипочем самые жестокие мучения, ибо он с лихвой расплавляется со своим мучителем смертоубийственной силой своего злого языка; или мы бежим от боли в то восточное «ничто» — его называют нирваной, — в ту немую, неподвижную, глухую самопогруженность, в самозабвение, самоугасание: после таких упорных, опасных упражнений, приучающих владеть собою, мы выходим совсем другими, у нас уже несколько больше вопросов, но главное — неукротимое *желание* спрашивать прежде всего больше, глубже, строже, жестче, злее, тише, чем мы это делали до сих пор. Исчезло доверие к жизни: сама жизнь превратилась в *проблему*. Только не надо думать, что от этого *всякий* непременно рискует

стать угрюмым букой! Даже любовь к жизни еще вполне возможна — только любовь будет иная. Это любовь к женщине, которая пробуждает в нас сомнения. ...Радость от соприкосновения со всем проблематичным и ликование по поводу любого неизвестного «Х» у таких высокодуховных, высокоодухотворенных людей столь велики, что их яркое пламя затмевает все трудности, которые сулят проблемы, все те опасности, которые таятся в неизвестном, и даже ревность любящего. Мы знаем, что такое новое счастье...

4

И наконец, чтобы не забыть сказать о самом существенном: из таких глубоких пропастей, из таких тяжелых недугов, из недуга тяжелого подозрения, например, выбираешься как *заново рожденный* — без старой кожи, более чувствительный ко всяким раздражениям, более злой, с более тонким вкусом к наслаждениям, с более мягкими суждениями о разных предметах, которые того заслуживают, с более веселыми чувствами, с вновь обретенной привычкой еще более невинно, еще более отчаянно предаваться радости, еще более ребячливей и в то же время во сто крат опытней, чем когда бы то ни было. О, какое отвращение должен теперь испытывать ты при виде старого наслаждения, этого грубого, угрюмого, коричневого наслаждения, как его обыкновенно понимают сами наслаждающиеся, наши «образованные», наши богачи, власть имущие! Как злит нас весь этот несусветный базарный гвалт, который подняли «образованные» люди и обитатели больших городов, позволяющие себя насиловать искусством, книгами, музыкой во имя «духовных наслаждений», при помощи духовных напитков! Как режут нам теперь слух эти театральные вопли страсти, сколь противно нашему вкусу все это романтическое смятение и волнение чувств, которое так любит образованная чернь, со всем ее честолюбивым стремлением к возвышенному, приподнятому, вычурному! Нет, если нам, выздоравливающим, и нужно искусство, то совсем *другое* — насмешливое, легкое, изящное, божественно безнаказанное, божественно искусное искусство, которое ярким пламенем взвивается к безоблачным небесам! И главное: искусство для художников и только для художников! Мы тогда лучше понимаем *то*, что *для этого* нужно прежде всего, — веселость, *разнообразная* веселость, любезные друзья! Теперь нам нужно это понять уже как

художникам! — я хотел бы это доказать. Есть вещи, которые мы сейчас знаем слишком хорошо, мы, знающие: художники, отныне мы должны так же хорошо все забыть, так же хорошо *не* знать! И что касается нашего будущего, то мы едва ли будем следовать примеру тех египетских юношей, которые ночами пробираются в храм, обнимают изваяния, стора от желания сорвать покров, открыть, явить миру все то, что не без основания сокрыто от посторонних глаз. Нет, этот дурной вкус, эта воля к истине, к «истине любой ценой», эта юношеская неистовость в любви к истине — вызывают у нас отвращение: для этого мы слишком уж опытные, слишком серьезные, слишком веселые, слишком прожженные... Мы уже больше не верим в то, что истина остается истиной, если с нее снят покров неизвестности; мы достаточно пожили на свете, чтобы верить в это. Теперь это для нас только вопрос приличия, и мы отнюдь не стремимся видеть все в обнаженном виде, везде присутствовать, все понимать, все знать. «А правда, что Господь Бог везде-везде? — спросила одна маленькая девочка свою маму. — Но ведь это же неприлично!» Намек философам! Следовало бы с большим почтением относиться к *стыдливости* природы, которая спряталась в загадках, укрывшись пестрым покровом неизведанного. Быть может, истина — всего лишь женщина, у которой есть все основания не выставлять себя напоказ до самого основания? Быть может, ее имя Баубо, если говорить по-гречески?.. О, эти греки! Вот кто умел *жить*: для этого нужно мужественно держаться на поверхности, за любую складку, за кожу, боготворить иллюзию, верить в формы, звуки, слова, в Олимп иллюзий! Эти греки были слишком неглубокими — *от глубины*! И не возвращаемся ли мы снова к тому же, мы, отчаянные смельчаки духа, мы, которые взошли на самые высокие, на самые опасные вершины современной мысли и уже оттуда по-новому взглянули на себя, мы, которые с вершины *посмотрели вниз*? Не являемся ли мы именно в этом — греками? Поклонниками форм, звуков, слов? И потому — художниками?

*Пути под Генуей.
Осень 1886*

СМЕХ, МЕСТЬ И ХИТРОСТЬ, ПРОЛОГ В НЕМЕЦКИХ ВИРШАХ

1. ПРИГЛАШЕНИЕ

Всех за стол зову, гурманы!
Нынче яства слишком пряны,
Завтра будут в самый раз.
Послезавтра, разохотясь,
Снова в гости соберетесь —
Я припас для вас припас.

2. МОЕ ПОНИМАНИЕ СЧАСТЬЯ

Искать — всегда немудрено,
Найти — куда труднее.
По ветру плыть не суждено —
Плыви еще быстрее!

3. НЕПРЕКЛОННОСТЬ

В землю вройся! Вниз и вглубь
Острою лопатой!
Хоть грозит земная глубь
Бездной бесноватой...

4. БЕСЕДА

- А.: Болен был я? Стал здоров?
Обойдясь без докторов?
Я забыл, как дело было...
- Б.: Ты здоров без лишних слов:
Боль здоровье позабыло.

5. ИСПОЛНЕННЫМ ДОБРОДЕТЕЛИ

У добродетелей наших шаги как у строчек Гомера:
Явятся к нам — и хромать незамедлительно прочь.

6. ВСЯ МУДРОСТЬ МИРА

Сплошная грязь в болоте,
А в небе только басни —
И лишь в полуполете
Наш мир всего прекрасней!

7. ПОДРАЖАНЬЕ — ПОРАЖЕНЬЕ

Спеша за мною по пятам,
Со мной сравняться хочешь сам?
Чтоб не остаться позади,
Своей дорогою иди!

8. В ТРЕТИЙ РАЗ МЕНЯЯ КОЖУ

Зашевелилось все во мне,
На мне — зашелушилось.
На пир змее сойдет вполне
Земля, земная милость.

Уже, голодный, я ползу
По кручам и равнинам
И землю истово грызу
На пиршестве змеином!

9. МОИ РОЗЫ

Счастье! Счастье в свой черед
Непреклонно настает!
Розы кто мои сорвет?

Кто, пройдя сквозь дождь и град,
Кто, попав под камнепад,
Ощутит их аромат?

Ибо счастье — это ад!
Ибо счастье — это гнет!
Розы кто мои сорвет?

10. ГОРДЕЦ

Слишком многое отринув,
Гордецом сльиву... Бедняги!
Как напиться из кувшинов,
Не разлив, не опрокинув,
Не пролив ни капли влаги?

11. ИЗРЕЧЕНИЕ

Я прекрасен, безобразен,
Груб и нежен, чист и грязен,
Мудр и глуп, хитер и прост.
Я — в своем единстве — разен:
Крылья у меня — и хвост!

12. ЛЮБИТЕЛЮ ВНЕШНЕГО БЛЕСКА

С солнца ты не сводишь взора?
Значит, ты ослепнешь скоро.

13. ЛЮБИТЕЛЮ ТАНЦЕВ

Твой оплот —
Скользкий лед,
Если танец — не полет.

14. ГОРДОСТЬ

Не склеить дружбу никогда.
Уж лучше — целая вражда.

15. РЖАВЧИНА

У ржавого — к заточенным кинжалам
Претензия: почет — вещам бывалым!

16. ПОДЪЕМ

В чем суть удачных восхождений?
Вперед и вверх без размышлений!

17. КРЕДО ХИЩНИКА

Не проси у доброхота.
Отбери — и вся работа!

18. УБОГИЕ ДУШИ

Убогие души нельзя не оплакать:
Ни зла, ни добра в них, а сырость и слякоть.

19. СОБЛАЗНИТЕЛЬ ПОНЕВОЛЕ

Пускаешь шутки, ни в кого не метя?
Родятся дети — ты за них в ответе!

20. ПОВОД ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Два горя — много легче одного я
Перенесу. Откуда взять второе?

21. МЕЧТАТЕЛЮ

Тебя надули, как воздушный шар.
Укол тебя убьет, а не удар!

22. МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

— Возьму ее — и верх возьму над нею!
— Своей уступкой верх возьму вернее!

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕСЕЛАЯ НАУКА

(«La gaya scienza»)

Перевод М. Кореневой

Перевод стихов С. Степанова и В. Топорова

Из книги «Ессе Ното»	7
Смех, месть и хитрость, пролог в немецких виршах	15
Книга первая	28
Книга вторая	74
Книга третья	116
Книга четвертая	167
Книга пятая	214
Песни принца Фогельфрая	272

ГЕНЕАЛОГИЯ МОРАЛИ

Перевод В. Вейнштока под редакцией В. Битнера

Предисловие	285
ТРАКТАТ ПЕРВЫЙ	
«Добро и зло», «хорошее и дурное»	292
ТРАКТАТ ВТОРОЙ	
«Грех», «нечистая совесть» и родственные понятия	317
ТРАКТАТ ТРЕТИЙ	
Что означают аскетические идеалы?	353

ПАДЕНИЕ КУМИРОВ, ИЛИ О ТОМ, КАК МОЖНО ФИЛОСОФСТВОВАТЬ С ПОМОЩЬЮ МОЛОТКА

Предисловие	417
Афоризмы и стрелы	419
Проблема Сократа	426
«Разум» в философии	432
О том, как наконец «истинный мир» обратился в басню.	
История одного заблуждения	437

СОДЕРЖАНИЕ

Нравственность как противоестественное учение	439
Четыре великих заблуждения	444
«Исправители» человечества	452
Чего недостает немцам	456
Очерки несвоевременного	463
Чем я обязан древним	495

ВОЛЯ К ВЛАСТИ

Опыт переоценки всех ценностей

<i>Е. Ферстер-Ницше. Введение. Перевод Г. Рачинского</i>	503
<i>Ф. Ницше. Предисловие. Перевод Е. Герцык</i>	516

Книга первая ЕВРОПЕЙСКИЙ НИГИЛИЗМ

Перевод Е. Герцык

К плану	518
I. Нигилизм	
1. Нигилизм как следствие бывшего до сих пор в ходу толкования ценности бытия	519
2. Дальнейшие причины нигилизма	529
3. Нигилистическое движение как выражение декаданса	534
4. Кризис: нигилизм и идея «возвращения»	545
II. К истории европейского нигилизма	
А. Современное омрачение	549
В. Последние века	561
С. Признаки подъема сил	574

Книга вторая КРИТИКА ПРЕЖНИХ ВЫСШИХ ЦЕННОСТЕЙ

II. Критика морали. <i>Перевод М. Рубинштейна</i>	
1. Происхождение моральных оценок	587
2. Стадо	597
3. Об общеморалистическом	604
4. Как обеспечить господство добродетели	611
5. Моральный идеал	
А. К критике идеалов	622
В. Критика «добрého, хорошего человека», святого и т. д.	633
С. О клевете на так называемые дурные свойства	639
6. Заключительные замечания к критике морали	658

СОДЕРЖАНИЕ

III. Критика философии. <i>Перевод Т. Гейлткмана</i>	
1. Общие размышления	661
2. К критике греческой философии	673
3. Истина и ложь философов	688
4. Заключительные размышления к критике философии	694

Книга третья

ПРИНЦИП НОВОЙ ОЦЕНКИ

I. Воля к власти как познание. <i>Перевод Е. Соловьевой</i>	
A. Метод исследования	699
B. Теоретико-познавательный отправной пункт	700
C. Вера в «я». Субъект	705
D. Биология стремления к познанию. Перспективизм	710
E. Происхождение разума и логики	714
F. Сознание	722
G. Суждение. Истинно — ложно	725
H. Против каузализма	732
I. Вещь в себе и явление	738
K. Метафизическая потребность	746
L. Биологическая ценность познания	761
M. Наука	762
II. Воля к власти в природе. <i>Перевод М. Рубинштейна</i>	
1. Механистическое истолкование мира	769
2. Воля к власти как жизнь	
A. Органический процесс	779
B. Человек	785
3. Теория воли к власти и ценностей	804
<i>Е. Ферстер-Ницше. Заключительные замечания</i>	
<i>Перевод Г. Рацкого</i>	820